

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICS

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-1-8-24

УДК 32

РОССИЙСКАЯ МЯГКАЯ СИЛА: МЕЖДУ «РУССКИМ МИРОМ» И ЕВРАЗИЕЙ

Агеева В.Д.

В статье анализируется процесс формирования российской «мягкой силы» - создание соответствующих учреждений и организаций, разработка нормативных документов, включение термина в политический дискурс. Определяются особенности российского восприятия «мягкой силы» как внешнеполитического инструмента. Формирующаяся стратегия российской «мягкой силы» рассматривается сквозь призму авторской теории Дж. Ная. Утверждается, что ключевым компонентом эффективной стратегии «мягкой силы» является привлекательный для внешней аудитории нарратив. Изучается история формирования нарративов концепций «Русского мира» и Евразии, которые сейчас выступают в авангарде российской внешней политики. Анализируется содержание нарративов, которое на данный момент только начинает складываться. Содержание нарративов сравнивается, и делается заключение, могут ли они быть комплементарны по отношению друг к другу или между ними существует смысловая пропасть и непреодолимые противоречия.

Цель: определить перспективность включения нарративов Евразии и «Русского мира» во внешней политике Российской Федерации.

Метод проведения работы: в статье используются методы контент-анализа, ивент-анализа; диалектический, ситуативный и бихевиоральный методы, а также сравнительный подход.

Результаты: сделан вывод о потенциальном противоречии Евразии и «Русского мира» во внешней политике Российской Федерации.

Область применения результатов: результаты исследования целесообразно применять при обсуждении и формировании внешнеполитической стратегии Российской Федерации.

Ключевые слова: «мягкая сила»; нарратив; внешняя политика; Русский мир; Евразийский экономический союз.

RUSSIAN “SOFT POWER”: BETWEEN EURASIA AND RUSSIAN WORLD

Ageeva V.D.

Author analyses the process of creation of Russian “Soft power” – establishment of institutions and organizations, elaboration of official documents, inclusion of the term in political discourse. Author defines Russian features in perception of soft power as a foreign policy tool. Emerging strategy of Russian soft power is studied through the prism of Joseph Nye’s theory. It is stated that a narrative which is attractive for foreign countries appears as a key component of an effective soft power strategy. Author analyses the history of Eurasia and Russian World narratives, which are in the forefront of Russian foreign policy. Emerging narratives’ contents are carefully studied and compared. Finally the author concludes that these narratives can be complementary but also can be contradictory and can have a values gap.

Purpose: to define perspective of Eurasia and Russian World narratives inclusion in Russian foreign policy.

Methodology: consists in historical and political analysis and comparative approach.

Results: it is concluded that Eurasia and Russian World narratives can be potentially contradictory within Russian foreign policy.

Practical applications: research results can be applied in the framework of elaboration Russian foreign policy strategy.

Keywords: “soft power”; narrative; foreign policy; Russian World; Eurasian Economic Union.

На протяжении последних лет в отечественном академическом сообществе и политических кругах ведутся активные дискуссии о формировании российской стратегии мягкой силы. На эту тему выпущены десятки статей, в том числе ведущих российских экспертов-международников, таких как: А. Торкунов, Ф. Лукьянов, М. Лебедева и др.; защищены кандидатские и докторские диссертации, написаны книги и монографии (в частности: Красина О.В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики (2011), Смирнов А.И. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России (2012), Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография под ред. Е.Г. Борисовой (2015)). Концепцию «мягкой силы» упоминает в своей программной предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» Владимир Путин (2012 год) [9], далее он закрепляется в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2013 года в качестве важного внешнеполитического инструмента. По словам Ф. Лукьянова, «сегодня «мягкая сила» – одно из наиболее часто упоминаемых в России политологических понятий» [6].

В то же время в российском дискурсивном пространстве существует тенденция скептического отношения к данному внешнеполитическому инструменту, изобретенному в Соединенных Штатах. С недоверием к «мягкой силе» относились некоторые российские специалисты, указывая на то, что такая внешнеполитическая стратегия, в конечном счете, приводит к мягкому бессилию (см. статью Б.А. Ширяева «Украинский фактор в

российско-американских отношениях») [13, с. 31–38]. В высших правительственных кругах считали важным подчеркнуть, что у «мягкой силы» есть темная сторона, которая проявляется в политическом манипулировании другими странами.

Несмотря на это, начиная с середины 2000-х годов в России «мягкая сила» начинает институционализироваться: стартует канал Russia Today (2005), выходит в свет англоязычное приложение к Российской газете “Russia Beyond The Headlines”, основываются фонд «Русский мир» и Институт демократии и сотрудничества (2007), после реформы в новом виде начинает работать «Россотрудничество» (2008), одной из задач которого декларируется формирование и реализация российской стратегии «мягкой силы», запускается работа Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (2010) и, наконец, появляется новый российский «мозговой центр» – Российский совет по международным делам (2011).

Далее, активно ведется работа по нормативно-правовому закреплению термина и его дальнейшему уточнению и развитию в официальных документах Российской Федерации: как уже упоминалось, «мягкая сила» появляется в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 года, затем принимаются следующие документы: Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (апрель 2014) и Комплексная стратегия расширения российского гуманитарного влияния в мире на период до 2020 года (октябрь 2014 года).

Очевидно, что российские аналитики извлекли уроки из реализации «мягкой силы» другими странами: в первую очередь США, Францией, Великобританией и Германией, которые неустанно занимают первые строчки международных рейтингов «мягкой силы» (New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power; The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power (2015)). В российской инструментрии появились специальные СМИ, которые ориентированы на зарубежную аудиторию и ставят своей задачей представлять миру альтернативную доминирующей точку

зрения; усилена работа культурных центров, включенных в единую сеть, управляемую государственным агентством; созданы некоммерческие фонды, которые реализуют проекты в сфере образования, науки, академической мобильности.

Все эти компоненты практической реализации стратегии «мягкой силы» ясно обозначал автор самой концепции – Дж. Най. Классическим стало определение гарвардским профессором ресурсов мягкой силы, на основании которых чаще всего исследователи анализируют успех того или иного международного актора в деле реализации его «мягкой силы». Это определение представлено в апологетической статье, которая была написана Наем в ответ на критику «Soft Power: Think Again»: «Мягкая сила страны может проистекать из трех источников: ее культуры (в тех аспектах, которые привлекательны для других), ее политических ценностей (при условии, что она их воплощает во внутренней и во внешней политике) и внешней политики (при условии, что другие считают законной и моральной)» [18].

Однако существует еще один компонент, зачастую ускользающий от взора исследователей и игнорируемый политиками вообще. Говоря о «мягкой силе», Дж. Най часто упоминает элемент, который представляется принципиально важным для эффективной стратегии «мягкой силы». Этот элемент можно назвать «пятым элементом», благодаря которому все компоненты стратегии начинают «работать на полную мощность». Этим элементом является нарратив, который должен красной нитью пронизывать внешнюю политику международного актора.

Под нарративом в данном контексте следует понимать набор идей и представлений о мире и событиях в нем, который актор представляет международному сообществу как наиболее верные и сквозь который он интерпретирует события в мире. В статье «Мягкая сила» Най пишет, что «в мире традиционной силы, в политике побеждает тот, кто сильнее в военном или экономическом отношении. В политике информационной эпохи побеждает, тот чей сюжет будет сильнее» [17, с. 106]. Как Дж. Най

пишет в докладе Комиссии по «умной силе» [14, с. 70], «в конце концов, эта битва, которую можно будет выиграть благодаря идеям, а не пулям». В статье «A Smarter Superpower» исследователь утверждает, что в современном мире каждый участник международного взаимодействия должен иметь свой нарратив [16]. В подтверждение своей гипотезы о нарративе он приводит в пример феномен терроризма. В другой статье 2011 года он пишет: «Террористы обладают незначительной военной силой, зато они обладают «мягкой силой» и значительным влиянием на нарратив» [19].

Вместе с тем, в российском внешнеполитическом дискурсе начинают проступать очертания некоторого нарратива, который проявляется в двух концепциях, выходящих на первый план в работе МИД РФ: это концепция Русского мира и концепция Евразии. Представляется интересным изучить содержание данных концепций и нащупать, какие нарративы закладываются в их основу? Каковы их перспективы в складывающейся международной обстановке? Комплементарны ли они по отношению друг к другу? Или они взаимно противоречивы и являются антагонистами?

Рождение концепта Русского мира остается спорным вопросом в научном мире. Так, некоторые исследователи находят первые релевантные упоминания феномена Русского мира в текстах XI века: речь идет о послании великого князя Киевского Изяслава Ярославовича к римскому папе Клементу, которое было озаглавлено «Херсон и Русский мир» [15, с. 3]. Другие приводят распространенное мнение, что предтечей концепта был граф С.С. Уваров, выдвинувший знаменитую триаду «Православие, самодержавие, народность», а само словосочетание появилось на страницах произведений драматурга А.Н. Островского, понимавшего русский мир «как человеческое сообщество православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [4, с. 163]. Относительно появления в публичном пространстве концепта в новейшей российской истории среди исследователей можно констатировать единодушие. «Отцом» современной версии концепции Русского мира называют Петра Щедровицкого. В его совместной статье с Ефимом Островским было сформулировано

первое определение Русского мира: «В течение XX века под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций, на планете сложился Русский Мир — сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения Русского Мира» [8]. Таким образом, в начале своего пути концепт Русского мира сводился к трансграничному сообществу, членов которого объединяет принадлежность к русской культуре и общий язык. Довольно быстро концепция была подхвачена высшими российскими политическими кругами. Впервые о Русском мире В. Путин заговорил в 2001 году, выступая на первом всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. На открытии конгресса он заявил, что быть соотечественником — это значит сделать свой личный духовный выбор, а «понятие «русский мир» испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса» [1]. Далее, термин прочно входит в политический лексикон российского правительства, и в 2007 году создается фонд «Русский мир», который был призван в практической плоскости реализовывать зарождающуюся концепцию.

Довольно быстро концепция получила религиозное измерение: о Русском мире стали говорить высшие иерархи РПЦ. В выступлении, обращенном участникам Конгресса российских соотечественников 2006 года, митрополит Кирилл, будущий Патриарх, заявил о взаимодополняемости русского мира и православия как компонентов самобытной русской цивилизации, которой предстоит оппонировать западной цивилизации в вопросах универсализации традиций Запада. Такое толкование Русского мира не осталось лишь в церковной ограде. В Валдайской речи В. Путина, произнесенной им в 2013 году, которую эксперты называют манифестом Русского мира, прослеживаются подобного рода религиозные коннотации. В ней президент говорит о том, что евроатлантические страны отходят от своих корней, «в том числе и от христианских ценностей, состав-

ляющих основу западной цивилизации», что в этих странах «проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану», а «люди стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности» [3]. Эти антирелигиозные тенденции он называет серьезным вызовом российской идентичности, которому в условиях идейной борьбы, ведущейся Западом, России необходимо противостоять.

По-настоящему политической концепция Русского мира стала в 2014 году, в момент, когда в состав Российской Федерации вошел Крым. Если до этого, Русский мир выступал в первую очередь как культурный феномен, за которым стояло сообщество людей, проживающих в разных странах и объединенных чувством принадлежности к России через общий язык, традиции, ценности и историю, то начиная с Крымской речи, произнесенной В. Путиным 18.03.2014, он стал частью большой политики. В этой речи полуостров был объявлен частью Русского мира, которую с Россией всегда объединяла «общая история и гордость» [7], а также общий язык, который и определял культурно-историческую идентичность крымчан. И именно посягательство на русский язык и, следовательно, на цивилизационную принадлежность жителей Крыма, сделало легитимным (с точки зрения российских властей и российского общества) вмешательство со стороны Российской Федерации в ситуацию на Украине. Россия – страна, на которой зиждется Русский мир, и В.Путин является гарантом безопасности русского мира – именно так обосновал действия российских властей в марте 2014 году на Украине пресс-секретарь президента Д. Песков. Таким образом, концепция Русского мира была представлена мировому сообществу как обоснование внешнеполитических действий России, направленных на защиту этого мира, когда речь идет о посягательстве на его культурно-духовную идентичность.

Концепция Русского мира, изначально понимаемая как феномен лингвистической, культурной и исторической общности людей, в 2014 году приобрела политические очертания. Однако, какой нарратив стоит за

этой концепцией? Принадлежность к общей истории, культуре, языку, традиционным верованиям не будет являться достаточным основанием для настоящего объединения русского мира. Необходима общая идея, которая предусматривает общую цель и общий проект развития. На данный момент, в концепции Русского мира только начинают проявляться идеи, которые в будущем могут стать частью ее нарратива. Пока на первый план выходят идеи защиты традиционных семейных ценностей и идея возвращения к христианским основам. Именно о них чаще всего говорят как В. Путин, так и Патриарх Кирилл, когда речь заходит о Русском мире.

Можно ли сегодня говорить о существовании Евразийского нарратива, как набора идей и представлений о мире и событиях в нем, которые разделяются участниками евразийских интеграционных процессов? Изначально, интеграционные объединения на евразийском пространстве носили исключительно экономический характер: с 2001 года начало свою работу Евразийское экономическое сообщество, с 2006 – Евразийский банк развития, а с 2011 – Евразийская экономическая комиссия. Однако все больше экспертов, как в России так и за рубежом говорят о возможности развития тесных экономических связей в политическое объединение, в основу которого должны будут лечь объединяющий страны нарратив и ценностные установки.

Евразийский лейтмотив во внешней политике стран-участниц интеграционных процессов не основывается на евразийстве как философско-политическом направлении. Из философии евразийства Н. Трубецкого, П. Савицкого, Л. Гумилева, а также их предтеч К. Леонтьева и Н. Данилевского в основном берутся яркие образы (например, понятие «цветущей сложности», которое упоминает В. Путин, говоря о евразийском пространстве), а также некоторые идеологические установки. Так, современный евразийский проект с евразийством объединяет идея альтернативы западной модели мироустройства. Однако если евразийцы радикально призывали к идейному исходу на Восток, то проект Евразия, не противопоставляя себя Западу, предусматривает альтернативный дискурс, в ко-

тором акценты в вопросах жизнедеятельности государства и общества расставлены несколько по-иному.

В евразийском проекте также начинают проступать черты общих политических установок, которые разделяются политическим истеблишментом большинства евразийских стран. Концепция «суверенной демократии», появившаяся в 2000-х годах в стенах Кремля, нашла свой отклик в странах, которые активно включены в евразийские интеграционные процессы сегодня (речь идет не только о ЕАЭС, но и об ОДКБ и ШОС). Так, нельзя сказать, что режимы, функционирующие сегодня в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Белоруссии, в полной мере отвечают западным стандартам демократии. Некоторые евразийские идеологи видят в этом не недостатки, а скорее преимущества, которые гарантируют обществу стабильность, утверждая, что «страны созерцательного Востока мыслят эпохами, страны рационального Запада – от выборов до выборов» [2].

Важной для всех стран евразийского пространства остается тема защиты традиционных семейных ценностей. Здесь вопрос терпимого отношения к однополым отношениям не ставится. В 2015 году в Казахстане был принят аналогичный российскому закон о запрете пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации среди несовершеннолетних. В Киргизии подобный закон разрабатывался, но потом был снят с обсуждения. В Узбекистане и Туркменистане вообще установлена уголовная ответственность за гомосексуальные связи. В диалоге с евроатлантическими партнерами этот вопрос всегда будет оставаться болезненным. В то же самое время, в условиях активного лоббирования западными странами прав сексуальных меньшинств, тема защиты модели традиционной семьи будет объединяющей для стран евразийского пространства.

Второй объединяюще-разъединяющей темой для Евразии и Европы является вопрос роли религии в жизни государства и общества. В современной секуляризированной Европе религия помещена в границы духовной жизни индивидуума и не оказывает влияния на работу правитель-

ства и жизнь всего общества. На евразийском пространстве дела обстоят несколько иначе. Общества в большинстве евразийских стран являются более религиозными. В странах Центральной Азии подавляющее большинство населения – мусульмане, в России, Армении и в Белоруссии православное христианство является самой распространенной религией. Практика тесного взаимодействия светских и религиозных властей в этих странах является устоявшейся, а религиозные лидеры оказывают значительное влияние на общество.

Формирующийся евразийский нарратив, компоненты которого перечислены выше, отвечает стратегическим интересам правящих элит на евразийском пространстве. Такой нарратив придает легитимность существующему правящему классу, гарантирует его стабильность и в случае необходимости обеспечит защиту со стороны евразийских союзников от вмешательства во внутренние дела государства. С другой стороны, наличие своего нарратива, представляющего альтернативный западному дискурс, представляет возможность евразийским странам, объединившись, вырваться из международной периферии и стать самостоятельным центром глобального развития. Как пишет П.Б. Салин, элиты евразийских стран «ориентированы на то, чтобы стать, если использовать рыночную терминологию, акционерами (пусть и миноритарными) мирового порядка» [10].

Интересно, что современный евразийский проект является в большей мере азиатским, чем европейским: как по составу стран, принимающих участие в нем, так и по идеям, которые закладываются в основу евразийского нарратива. Неслучайно, эти идеи столь созвучны обновленным китайским ценностям, которые совсем недавно были сформулированы руководством КНР и представлены мировому сообществу. Речь идет о наборе из 12 ценностей, которые были официально озвучены в ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК. 12 ценностей распределены по 3 группам: ценности государства (богатство, сила, демократия, цивилизация) гармония), ценности общества (свобода, равенство,

справедливость, правовое правление), ценности индивида (патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность). В сравнении с западными ценностями, в Китае «ответственность предшествует свободе, долг предшествует правам, коллектив стоит выше индивида, гармония – выше конфликта» [5].

Обе концепции – Русский мир и Евразия, которые сегодня стоят в авангарде российской внешней политики, постепенно получают свое содержательное наполнение. Еще рано говорить о нарративе Русского мира или Евразийском нарративе: сейчас можно лишь фиксировать идейные тенденции, которые в последующем могут лечь в основу оформившейся ценностной системы. Вместе с тем, на данном этапе интересно проследить, как по отношению друг к другу развиваются эти нарративы? Это полностью параллельные прямые или все-таки пересекающиеся?

На первый взгляд, их траектории развития выглядят параллельно. Во-первых, концепции Русского мира и Евразии обладают разными статусами. Идея объединения евразийских стран нашла свое воплощение в официальном институте, межгосударственной организации – Евразийском экономическом союзе. «Русский мир» таким институциональным статусом не обладает: пока он выступает лишь в качестве концептуальной основы работы с соотечественниками и теми представителями зарубежных стран, которые чувствуют свою принадлежность к русской культуре, языку, ценностям и истории. К тому же, данные концепции имеют разные целевые аудитории. Евразийский проект на данный момент, в первую очередь, апеллирует к правящим элитам регионов, и только во вторую – к представителям общества. Идея «Русского мира» наоборот не обращена к официальным правительствам зарубежных стран, а выступает объединяющей для отдельных индивидов и общественных групп, которые духовно, культурно и исторически связывают себя с Россией.

В идейном отношении нарративы Русского мира и Евразии имеют некоторые общие установки. Очевидно, что и в том, и в другом смысловом поле особое внимание уделяется защите семейных ценностей, противо-

стоянию легализации гомосексуализма и отстаиванию позиций религии в жизни государства и общества. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что под семейными ценностями и религией в данных нарративах подразумеваются разные вещи. «Русский мир» – это, в первую очередь, православная цивилизация: неслучайно, иерархи Русской Православной Церкви, регулярно принимающие участие в конгрессах соотечественников, так часто апеллируют к этой концепции и на постоянной основе реализуют проекты с фондом «Русский мир». В то время, как на евразийском пространстве доминирующей религией является ислам, христианство исповедуют только Россия, Белоруссия и Армения.

Семья также по-разному понимается в Русском мире и на евразийском пространстве. Трудно представить, что представители Русского мира всерьез обсуждали бы возможность многоженства, которое не является табуированной темой в странах Центральной Азии: в Туркменистане многоженство официально разрешено, в Киргизии в 2015 году закон, разрешающий заключать брак сразу с несколькими женами, обсуждался в парламенте, а в Казахстане, согласно соцопросам, часть жителей не считают необходимым законодательно разрешать многоженство, которое, по их мнению, и без официальных разрешений широко практикуется в стране.

Политический месседж, который с 2014 года стал частью концепции Русского мира, в будущем может создавать напряженность в отношениях России с ее евразийскими партнерами. Защита русскоязычного населения, доля которого является значительной в евразийских странах, может восприниматься правительствами этих стран как потенциальная угроза суверенитету и территориальной целостности государства. Крымский урок был многими усвоен именно с точки зрения перспективы повторения подобного сценария. С другой стороны, не все страны, сотрудничающие в России по евразийским проектам, готовы считать себя частью Русского мира, несмотря на то, что в их странах часть населения говорит на русском языке и чувствует свою принад-

лежность к русской истории и культуре. Это связано в первую очередь с тем, что Русский мир подразумевает следование в геополитическом фарватере России и, следовательно, второстепенные роли на мировой арене. Например, Казахстан, активно сотрудничая с Россией, стремится быть самостоятельным игроком, представляя себя международному сообществу в качестве Евразийского моста между Западом и Востоком и геополитического перекрестка множественных идентичностей, а также активно работая над созданием Международного финансового центра в Астане, который через 10 лет должен оказаться в десятке лучших финансовых центров Азии.

Некоторые исследователи, как Марлен Ларюэль, склонны считать, что противоречия между концепциями Русского мира и Евразии являются глубокими, а их комплементарность остается чисто теоретической [15, с. 18]. Однако российские политики такого противоречия не видят. Так, директор фонда «Русский мир» В.Никонов убежден, что огромный массив тюрко-мусульманского населения в Средней Азии в значительной степени является частью Русского мира, и там Россия не проигрывает информационную войну [11].

Станут ли в дальнейшем нарративы Русского мира и Евразии друг другу противоречить, будет зависеть от того, как дальше будут развиваться эти концепты. И если религиозные противоречия навряд ли могут быть сняты, то политические противоречия могут быть смягчены, учитывая интересы разных сторон.

России необходимо активизировать работу по формулированию своего нарратива и своей стратегии влияния на повестку дня мирового сообщества. Технологии стремительно развиваются и меняются, и внешнеполитические технологии не являются исключением. Пока Россия находится в мучительном поиске своей модели «мягкой силы», в США на смену идеям Дж. Ная пришла концепция «стратегической коммуникации», которая, согласно американским экспертам, является более эффективной в период кризисов и войн [12, с. 126].

Список литературы

1. Выступление Президента России Владимира Путина на Первом Всемирном конгрессе российских соотечественников. 11.10.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://vkrsr.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira/> (дата обращения 11.01.2016).
2. Гулевич В. Евразийские ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (дата обращения 06.01.2016).
3. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 11.01.2016).
4. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 5. С. 163–167.
5. Ломанов А.В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750> (дата обращения 06.01.2016).
6. Лукьянов Ф. Парадоксы российский «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (дата обращения: 29.12.2015).
7. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина, 18.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>.
8. Островский Е., Щедровицкий П. Страна, которой не было [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-possia-no/ (дата обращения 11.01.2016).
9. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 29.12.2015).
10. Салин П.Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (дата обращения 06.01.2016).
11. Трагедия Европы и русская пассионарность. Итоги круглого стола «Пути российской цивилизации», 04.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/198124/> (дата обращения 11.01.2016).

12. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. Т.13. Номер 3(42). Июль-сентябрь 2015. С. 121–133.
13. Ширяев Б.А. Украинский фактор в российско-американских отношениях // Управленческое консультирование №9(69), 2014. С. 31–38.
14. Armitage R.L., Nye J.S. Jr CSIS Commission on Smart Power. A Smarter, More Secure America. 2007.
15. Laruelle M. The “Russian World”. Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination. May 2015.
16. Nye J. A Smarter Superpower [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/> (дата обращения 06.01.2016).
17. Nye J. Soft power // Foreign Policy, №. 80, 1990. P. 153–171.
18. Nye J. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения 29.12.2015).
19. Nye J. Understanding 21st Century Power Shifts [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=2743> (дата обращения 06.01.2016).

References

1. <http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-/> (accessed 11.01.2016).
2. <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (accessed 06.01.2016).
3. <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 11.01.2016).
4. Kocherov S.N. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, № 5. pp.163-167.
5. <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750> (accessed 06.01.2016).
6. http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (accessed 29.12.2015).
7. <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed 29.12.2016).
8. http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-possia-no/ (accessed 11.01.2016).

9. Putin V.V. *Moskovskie novosti*, 27.02.2012. <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (accessed 29.12.2015).
10. <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (accessed 06.01.2016).
11. <http://www.ruskiimir.ru/publications/198124/> (accessed 11.01.2016).
12. Cvetkova N.A. *Mezhdunarodnye processy*. Vol.13. N 3(42). July-September, 2015. Pp. 121–133.
13. Shirjaev B.A. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, №9(69), 2014. Pp. 31–38.
14. Armitage R.L., Nye J.S. Jr CSIS Commission on Smart Power. *A Smarter, More Secure America*. 2007.
15. Laruelle M. The “Russian World”. *Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination*. May, 2015.
16. Nye J. A Smarter Superpower. <http://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/> (accessed 06.01.2016).
17. Nye J. Soft power. *Foreign Policy*, №. 80, 1990. Pp. 153–171.
18. Nye J. Think Again: Soft Power. <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (accessed 29.12.2015).
19. Nye J. Understanding 21st Century Power Shifts. <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=2743> (accessed 06.01.2016).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Агева Вера Дмитриевна, аспирантка факультета международных отношений

Санкт-Петербургский Государственный Университет

ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Российская Федерация

verageeva@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ageeva Vera Dmitrievna, PhD candidate at the School of international relations

St. Petersburg State University

1/3, Smolny str., St.Petersburg, 191060, Russian Federation

verageeva@gmail.com